

В. И. Косик

Рожденные в Санкт-Петербурге: русские художники в Югославии

Текст связан с россыпью имен и творений русских художников, рожденных в Санкт-Петербурге и после революции 1917 г. нашедших приют на югославянской земле. Показан их вклад в церковную и светскую культуру, основные работы, получившие высокие оценки.

Ключевые слова: Россия, Югославия, Сербия, Белград, русский художник, картина, икона, храм, выставка, живопись, комикс

Viktor I. Kosik

Born in Saint Petersburg: Russian painters in Yugoslavia

The text is associated with a scattering of names and the works of Russian artists born in Saint Petersburg after the 1917 revolution, took refuge on jugoslavenski earth. Shown their contribution in the Church and secular culture, the main works that have received high ratings.

Keywords: Russia, Yugoslavia, Serbia, Belgrade, Russian painter, painting, icon, Church, exhibition, painting, painters, comics

С годами живопись становится нужнее, –
Все остальное ускользает и течет.
Стареет сцена и театры вместе с нею,
Кино и музыка иные, что ни год.
Одна лишь живопись внушает нам надежду,
Что неизменными останутся всегда
И эти складки у пророка на одежде,
И эта серая в промоинах вода,
И мироздания распавшиеся звенья
Соединяются в музейной тишине,
Где продлеваются летящие мгновенья,
Запечатленные на сером полотне

Александр Городницкий

Октябрьская революция и Гражданская война обусловили «великий исход» или «бег» мастеров русского искусства в иные страны и дали. Наибольшей притягательностью пользовался Париж, но он был в основном, для «великих», уже имевших «имя». По сравнению с ним Белград слыл «огородной провинцией», населенной «дикими балканцами», из-за которых вспыхнула первая мировая война. Но у многих мастеров кисти особого выбора не было – главным было получить приют, который и предоставляло Королевство Югославия с сербской династией Карагеоргиевичей во главе. Именно новое обширное королевство, образованное в 1918 г. и включившее в себя многие славянские земли Балкан и стало вторым Домом для многих русских самых различных профессий, занятий и просто выброшенных без всяких средств и ходовых специальностей людей.

Художники как и многие другие представители русского искусства «не затерялись» в безликой толпе русских беженцев. Их мастерство было востребовано государством в лице культурных его

институций как театра, Церковь, ценителями прекрасного. Безусловно, среди них было мало громких имен, с Парижем было трудно тягаться, но и на югославянских землях, прежде всего в Белграде, стали жить и заниматься привычным делом новоприбывшие изгнанники, среди которых были и петербуржцы. Моя давняя привязанность к Северной Пальмире и побудила меня обратиться к этой теме, позволяющей в форме очерка обрисовать портреты и творения тех, кто первый свой вздох сделал в Санкт-Петербурге.

Теперь немного имен с биографиями¹.

Выпускник Харьковского художественного училища Иван Петрович Дикой (Дикой) (08. 02. 1896, Санкт-Петербург – 18. 07. 1990, Санкт-Петербург, США). Вместе с рядом русских мастеров он входил в группу дворцовых художников, снявших с 1922 по 1927 г. около трех сотен копий из древних храмов. С результатом работ общественность могла познакомиться на выставке в новом здании Университета, а потом в доме королевской гвардии в 1927 г.²

Рожденные в Санкт-Петербурге: русские художники в Югославии

Иван Петрович расписывал часовню и дворец короля Александра Карагеоргиевича на Дединье (Белград). Он стал одним из тех русских мастеров, которые украшали храм-мавзолей Карагеоргиевичей на Опленце – о нем один из русских иерархов Московской Патриархии вспоминал: «Снаружи... изумителен: весь выложен белым мрамором, двери массивные с барельефами. Внутри – трудно удержаться от восторга: пол выложен каким-то красивым мрамором, святыщимся, как стекло. Все стены храма сверху донизу покрыты мозаичными картинами и иконами... Этот храм в своем роде – музей религиозной живописи. Идея храма принадлежит русскому эмигранту; художниками, архитекторами этого храма были исключительно русские эмигранты. Освещение в этом храме замечательное. Вместо стекол вставлен тончайший мрамор разных цветов, который бросает свет и окрашивает все находящееся в храме какими-то особенными цветовыми лучами»³.

На Опленце Дикий, пишет замечательная исследовательница русской живописи Елена Межинская, работал (конец 1931 – начало 1932 г.) над сценами из жизни св. Петра, ликами трех Архангелов на входе в крипту, декорировании внутреннего убранства. В 1933 г. художник писал фрески в алтаре столичного храма Пресвятой Богородицы – изобразил св. Савву, св. Афанасия Великого, св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого, св. Григория Богослова и св. Арсения Великого, служащих литургию. Вместе с Борисом Образковым он расписывал стены церкви святого князя Лазаря на Лиме. Написал Иван Петрович копию иконы Богородицы Печской, которая сейчас хранится в белградской церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Примерно в то же время, в 1937 г., русский изограф создал несколько икон для белградской церкви св. Архангела Гавриила. Расписывал он церковь св. Иоанна Предтечи в Грделице (1937). В том же году Дикий трудился над иконостасом церкви в Хайдучице, в соавторстве с товарищами – фрески и мозаику для кладбищенской церковь в Алексинце, для церкви Преображения Господня монастыря св. Стефана в Липовце, а также некоторые иконы для этой церкви. А в 1938 г. художник принимал участие в украшении белградской церкви св. Саввы на Врачаре. Кроме фресок, Дикий работал и в иных жанрах. В частности, в 1930 г. он представил на выставку в Белграде две картины: «Село в Македонии» и «Ландшафт». В 1939 г. публика могла видеть его четыре полотна – «Портрет», «Зима» «Цветы» и «Этюд головы». После войны он уехал в Австралию, затем в Венесуэлу, потом в Канаду, потом в США. В Америке продолжил украшать храмы и писать иконы⁴.

Николай Богданович (Феофилович) Мейендорф (1888, Санкт-Петербург – 17. 03. 1969, Зальц-

бург) барон, полковник лейб-гвардии Конной артиллерии. Будучи даровитым художником, он в «новой жизни» посвятил свой талант Церкви, в частности, участвовал в росписи церкви в монастыре Жича, вместе с другими русскими изографами украшал храм-мавзолей на Опленце.

Георгий Анатольевич Зигерн-Корн (1910, Санкт-Петербург – ?), сын офицера, эмигрировавшего в Королевство сербов, хорватов и словенцев. После окончания Белградской Академии художеств начал заниматься росписью православных храмов. Только 15 церквей успел он украсить фресками, как началась война, прервавшая его деятельность. В числе многих других был выдан англичанами советским органам. Получил 10 лет лагерей. После смерти Сталина и выхода из лагеря сумел воссоединиться со своими родителями, проживавшими в США. Создал серию «документальных и символических зарисовок», названных «Сталинский ГУЛАГ глазами художника»⁵.

Из русских изографов, творивших в Королевстве, непременно следует назвать Ивана Иустиновича Мельникова (27. 08. 1896, Санкт-Петербург – ?), количество работ которого (фрески, иконы) превышает цифру в семь тысяч! Бывший студент Санкт-Петербургской художественной академии обладал исключительным чувством и даром написания икон. Свои знания он развил, изучая сербскую средневековую живопись в монастырях и церквях. Здесь он стремился «схватить» дух православной иконы, постичь технику старых мастеров. Его первый иконостас был выполнен в 1921 г. для церкви св. Николая в с. Наколец на Преспанском озере. Наиболее широко его искусство представлено иконостасами в церквях и монастырях Македонии: среди них – церковь св. Николая в Струге, церковь св. Анастасия в монастыре св. Наума, церковь св. Параскевы Пятницы в Битоли, три иконостаса в м. Манастирац близ Дебра, церковь св. Феодора Тирона в с. Српци около Битоли. Мастерство Мельникова известно и других регионах: в церквях св. Прокопия и св. Георгия, расположенных недалеко от Чачака; в церкви Вознесения Господня, что в с. Осечине близ Вальево; в овчарском монастыре Преображения. Для храма св. Савы в монастыре Жича художник создал единственный в своем роде перламутровый иконостас. Величественный иконостас в церкви Пресвятой Богородицы в Чайниче также связан с его именем. Говоря о стенописи, следует упомянуть фрески, в частности, в монастыре Калиште, в королевской часовне монастыря св. Наума, в церквях Пресвятой Богородицы и св. Недели в Битоли, в церкви св. Николая с. Сопотницы, в церквях св. Ильи в с. Жванье. Мельников был одним из тех редких изографов, получивших высокую оценку, награды и признание со стороны высшего церковного начальства.

Ему покровительствовали знаменитые сербские иерархи: епископы – Иосиф (Цвийович) и Николай (Велимирович). Особую благодарность он испытывал к Владыке Николаю, который обеспечил ему свободу посещения всех монастырей Охридско-Битольской епархии и поделился своими познаниями в сфере православной иконографии.

Замечу, что Владыка Николай стал инициатором в сфере возобновления общения Сербской Православной Церкви с Русской Православной Церковью. Был вместе с Патриархом Сербской Православной Церкви Гавриилом (Дожичем) заключен в концлагерь Дахау. Скончался в монастыре преп. Тихона Задонского в США. В 1991 г. его мощи были перенесены в Сербию. Сам пастырь причислен к лику святых.

В мастерской педагога Мельникова прошли курс более 50 учеников, которые в своем большинстве связали свою творческую судьбу с церковным искусством. В качестве примера можно назвать имя Младомира Тодоровича, профессора Духовной семинарии св. Арсения в Сремских Карловцах, известного изографа. Из довольно скудных сведений можно узнать, что Мельников входил в общество «Икона» с центром в Париже, поддерживал связи с «Институтом Кондакова» в Праге. После своего переселения в Америку создал изумительные по красоте иконостасы в кафедральной церкви св. Савы в Нью-Йорк-Сити, в церкви св. Николая в Джонстоне (Пенсильвания), в церкви Успения Пресвятой Богородицы в Виндзоре (Канада)⁶.

Из раннего периода сохранились, такие иконы, как «Страшный Суд», «Святой Иоанн Креститель в пустыне», «Вознесение Господа Иисуса Христа». Его творения можно встретить не только в Македонии, но и за рубежом. Один корпус хранится в Битольской митрополии⁷. Его иконами в 1927 г. была украшена алтарная часть битольской церкви, посвященной Св. Троице (открыта в мае 1926 г., освящена в июне)⁸.

Среди художников-реставраторов сербской живописи известно имя Елены Владимировны Вандровской (урожденная Чарыкова) (18. 06. 1909, Санкт-Петербург – 24. 03. 2004, Белград). После окончания Харьковского девичьего института в г. Новый Бечей поступила и завершила Королевскую академию искусства и прикладного искусства в Загребе. Параллельно изучала историю искусства на философском факультете Загребского университета. По завершению учебы преподавала в школе. После войны работала в музее Воеводины старшим реставратором, а также выполняла работы, порученные Сербской Академией наук и искусств. Вскрывала первые пласты стенописи в таких монастырях, как Ново-Хопово, Крушедол, Месич. Занималась копированием старинных фресок в Печской Патриархии. Вместе с французскими

реставраторами расчищала живопись XI в. в соборе св. Софии в Охриде. Совершенствовалась в реставрации в соответствующих центрах Рима, Парижа, Мюнхена, Вены, Москвы, Ленинграда... Написала 14 икон для иконостаса монастыря св. Параскевы Пятницы в Загребе. В создании икон, в частности, для русского храма близ Нью-Йорка, следовала старинному иконографическому письму⁹.

Русские художники работали в различных областях, где требовались кисти и краски. Именно с деятельностью бежавших из «красной России» русских мастеров связан всплеск активности постановок сербских исторических драм, сценография которых требовала отличного знания сербской архитектуры и сербской старинной одежды. Будучи профессионалами, успешно сочетавшими традицию с современными формами, русские сценографы внесли свой вклад в развитие сербского театрального искусства¹⁰.

Они начинали творить в Белграде, где еще людей косила «испанка» и тихо делал свое дело сыпной тиф. Но была свобода и энтузиазм творцов, вкладывавших свою энергию и талант в Сербию, в ее искусство и культуру.

Уже известный Иван Иустинович Мельников, чей дом был своеобразный битольский мини-Монмартр, работал сценографом с 1946 г. почти до конца жизни в Битольском Народном театре, для которого сделал свыше 60 сценографий¹¹.

Пейзажистом, графиком, театральным художником, архитектором был Ростислав Дмитриевич Сазонов (1906, Санкт-Петербург – 19. 10. 1991, Нью-Йорк). В Белграде он закончил архитектурное отделение Технического факультета Белградского университета. Одновременно Сазонов учился в художественной школе у А. А. Вербицкого. Постигал мастерство техники акварели в архитектурном рисунке. Писал декорации. За оформление оперного спектакля «Снегурочка» в Белграде Ростислав Дмитриевич получил первый приз. Долгое время он работал театральным художником в Далмации и Черногории¹².

По воспоминаниям Р. В. Полчанинова, «Сазонову приходилось быть и художником, и архитектором, и строить школы, дороги, мосты... заведовал постройками в королевском имении где-то в Далмации»¹³. В послевоенные годы он жил в американской оккупационной зоне в Германии, был художником в беженском лагере. В 1947 г. эмигрировал в Марокко. С 1955 г. Сазонов в США. Везде художник продолжал рисовать¹⁴.

Еще несколько имен и судеб художников и их картин.

Василий Петрович Антипов (02. 02. 1889, Санкт-Петербург – 21. 08. 1968, Лесковица, Славонски Брод) получил художественное образование в Северной Пальмире. Судя по исследованию М. Мед-

Рожденные в Санкт-Петербурге: русские художники в Югославии

рич, прибыл в Королевство, точнее, в Славонский Брод в составе труппы Федора Щукина, работавшего в мирной России режиссером севастопольского театра. Однако гастроли провалились, что было редкостью, и труппа, в которой Антипов работал сценографом, распалась. Каждый был волен выбрать свою дорогу: Антипов предпочел остановиться в Славонском Броде: там получил работу в местном музее, занимался оформлением этнографических и археологических экспозиций. Благословенный музей приобрел и ряд его живописных работ, связанных со славонскими пейзажами, городом, его историей¹⁵. Могут только здесь добавить, что его биография еще полна белых пятен. В частности, в конце 1920-х гг., он работал сценографом в столице Королевства. И что его заставило приехать, а потом покинуть Белград, пока неизвестно. Антипов не смог нигде прочно «зацепиться», поэтому был вынужден вернуться к твердому заработку, рутинной работе и к провинциальной жизни.

Все это грустно, многие от Родины ждали иного. Обозреватель «Нового времени», освещая Большую выставку русских художников в эмиграции, устроенную в марте 1930 г., писал:

Такое особое, щемящее светлой грустью настроение охватило на этой выставке. Сплетение тоски и радости, гордости и печали.

Не мы в России, нет, а это Она, Сама пришла к нам измученным в гости.

И кричит с малявинских полотен ярким задором русская баба:

– Не бойсь, не пропала! Поди-ка, свали эдакую!

И кружится в вихряном хороводе.

– Эй, сгинет нечистая сила! Будет опять на нашей улице праздник!

Страшной сказкой пугает Билибин, но утишают страх спокойные лики Бориса и Глеба.

– Мало ли знала невзгод и древняя Русь.

И показывает Бенуа стройную колонну Александровскую, гордо, уверенно к самому небу вздымающуюся. И водит по Петербургу, сказочно-прекрасной столице выросшей на болоте по приказу гиганта Царя.

Россия приехала к нам с полотнами всех наших художников.

На ее просторе развивались их таланты, буйные ветры создали темперамент, цветущие луга и сады, пламень зорь дали краски из палитры, шелест лесов, песни и сказки родного народа вспоили образами душу.

Кто говорит, что Великодержавная Россия была царским застенком, придите и посмотрите.

Творчество гибнет в оковах, и потому – нет художников в красной России.

Родными сестрами рядом стоят хозяйка и гости.

Воздушны, как песнь мандолины, акварели Великой княгини Ольги Александровны – непитая чашка чая на покрытом скатертью столе, просфорка на тарелочке. Белая пасха и кулич – все нам же родное и все такое живое, настоящее.

Стучат красные молотки, вдребезги расколачивают, убита красота. Она воскреснет и снова осветит Россию – славная плеяда творцов русского искусства воскресит ее дыханием своего таланта, за ними идет новая смена, загоревшаяся от их священного огня. И это будет скоро. И в ожидании сидит, словно живой, русский офицер с печальными глазами на полотне портретистки Барановской. Раздастся звук трубы, – он встанет и пойдет¹⁶.

И 9 марта 1930 г. столица Королевства собрала цвет русского искусства. На «Большой выставке русского искусства», устроенной Русским художественным обществом в Белграде при мощной поддержке Русского Культурного Комитета, финансируемого властями, было представлено в выставочном зале Общества друзей искусства «Цветы Зузориц» свыше 400 экспонатов. Для тех, кто не знает, скажу, что павильон «Цветы Зузориц» находится на Малом Калемегдане справа, если идти в крепость. В выставке приняли участие и русские белградцы. В течение месяца выставку посетило более 12 тыс. человек, что было рекордным для художественного Белграда¹⁷. Из парижских русских, представивших около 250 работ Привлекал и Александр Николаевич Бенуа со своими Версалем и старым Петербургом. Мстислав Валерианович Добужинский чаровал Северной Пальмирой¹⁸.

Мимоходом добавлю, что в нынешнем Народном музее Белграда хранятся 33 творения «мирискусников»: среди них Александр Бенуа, Мстислав Добужинский, Александр Яковлев, Николай Рерих¹⁹.

При этом весьма интересна история появления в Королевстве картин петербуржца Николая Константиновича Рериха, писавшего в одном из своих писем следующие строки: «Моя душа стремится к Югославии и в первую возможность я, конечно, буду счастлив посетить Вашу славную героическую страну, которую по славянским корням как бы считаю второй родиной. Полно мое сердце влечения к славному государю Вашему Королю Александру. Души человеческие могут знать друг друга и заочно. Вот и я знаю Светлую Душу, Покровителя Культуры, Знания и Художества – т. е. всего того, чем жив дух человеческий»²⁰.

Благодаря хорватской исследовательнице Магдалене Медарич, опубликовавшей с обширным научным введением письма Н. К. Рериха, избранного вместе с художником Альфонсом Марией Мухой

30 мая 1930 г. почетным членом Академии наук и искусств Хорватии, стали известны некоторые страницы его жизни, связей с Белградом, с Загребом. Как пишет Магдалена Медарич, первый отклик на живопись Рериха был помещен в газете «Политика» от 7 сентября 1932 г. после вернисажа в новооткрытом белградском музее. «Он, – подчеркивает хорватская исследовательница, знаток русского искусства, литературы, – объясняет возможную странность искусства Николая Рериха для белградской публики тем, что Н. Рерих был „в первую очередь сценографом“. Именно это определение Рериха как сценографа и переключало в знаменитую статью тех лет писателя Мирослава Крлежи, считающего себя арбитром и в делах изобразительного искусства. Его ядовитая статья... определяет картины Рериха как работы „петербургского второстепенного сценографа“, которые своим уровнем не превосходят „анзикскарты“, т. е. открытки, посылаемые с дальних путешествий и которые Рерихом подаются публике как очень „дорогой товар“»²¹. Комментарии излишни. Из его картин, которые могли видеть в Загребе, назову две: «Древняя Русь» и «Приказ Учителя»²².

Добавлю, что в столице Хорватии в 1935 г. было создано Общество почитателей Н. Рериха. Оно ставило своей целью «ознакомление и пропаганду творчества и идей Николая – знаменитого художника и мыслителя, его художественных, просветительных и философских взглядов, содействие его начинаниям на поприще международного сотрудничества и сближения между народами на фундаменте неизменных принципов любой живой этики: истины, красоты и добра»²³.

Теперь, чтобы передохнуть от имен, цифр, названий, небольшое стихотворение Е. Журавской о русской выставке, открытой в здании университета 24 августа 1924 г.:

Со всех концов земли любезной
Мы принесли сюда вчера
И тяжкий труд кирки железной,
Иглы и кисти и пера,
И наших дум и наших знаний
Плоды, созревшие в тиши,
Средь терний долгого изгнания,
Средь грустных сумерек души,
И вот смотрите: в строгой зале
Цветут гирлянды пышных роз
И бледно-палевых азалий
И ветви трепетных мимоз
Там кружев нежных паутина
А вот работы наших школ,
Эскизы, книги и картины,
Тут слон из мыла, улей пчел
И детских кукол ряд забавный,
Шелками вышитый павлин,

Вот на стене в борьбе неравной
Со змеем бьется исполин,
Резьба по дереву ручная,
Иконы древнего письма
И фотография цветная,
И карт узорная тесьма,
Попытка первая малютки –
Рисунок робкий и простой,
И милый облик институтки
С наивной девичьей косой...
И все напомним, что в лишениях,
Терпя обиды едкий дым,
Обломки грозного крушенья,
Мы живы, мыслим и творим²⁴.

На Второй выставке русских художников были, в частности, замечены работы «перелетной птицы» Александра Яковлева. Известный в театральном мире Белграда Юрий Ракитин, ценивший живопись, писал в «Новом времени»:

«Несмотря на сильную склонность (Яковлева. – В. К.) к станковой живописи... виден и декоративный талант. Его небольшая вещь „Голод“ хороша по композиции. Хороши и красочны эскизы Боснии. Несомненно, он весь в духе петербургского „Мира искусств“»²⁵.

Вторая, открытая 22 мая 1938 г., была связана с творчеством петербурженки Ларисы Владимировны Барановской-Шрамченко, представившей свыше 40 работ, преимущественно портретов. Художница училась в Санкт-Петербургской академии искусства у профессора Яна Ционглинского. В 1915 г. ее портрет дворцовой дамы Свечиной был отмечен критикой. Учитель рисования в русско-сербской гимназии в Белграде, она много раз участвовала в выставках: в 1922 г. на русской выставке в университете, затем на выставке русских мастеров искусств в павильоне «Цвета Зузориц» и на выставке русских мастеров искусства в 1933 г. в Русском доме имени императора-мученика Николая II. В марте 1936 г. Лариса Владимировна сама организовала удачную коллективную выставку в Русском доме. На Рождество 1937 г. художница открыла вместе с двумя своими коллегами большую выставку русских мастеров искусств «от Финляндии до Туниса», на которой выставила 12 своих работ²⁶.

С Дубровником, этим градом-крепостью связано творчество многих русских художников. Итак.

Теперь о судьбе Анатолия Дмитриевича Сергеева (20. 03. 1888, Санкт-Петербург – 22. 06. 1971, Загреб). Он унаследовал талант художника от матери, немки, также занимавшейся искусством. Но, тем не менее, исполняя волю родителей, начал учиться постигать экономико-юридические дисциплины. Правда, в свободное время посещал частную художественную школу. Некоторое время работал в ателье Эрнеста Лисснера, когда-то учившегося у Ильи

Рожденные в Санкт-Петербурге: русские художники в Югославии

Репина. После революционных событий и последовавшей за ними гражданской войны Анатолий обосновался в хорватской столице, где он проживал с октября 1921 г. (по данным из журнала «Obitelj», с 1920 г.). Там он принял югославское подданство, получил естественное образование и четыре года был ассистентом у профессора Воука на ботанической станции, где одновременно выполнял задания, требующие мастерства художника. Талант портретиста позволил ему оставить государственную службу. Нередко картины с изображениями известных людей, думается, из Загреба, украшали приемные и прочие присутственные места. Здесь можно назвать два портрета: государственного деятеля бана Шиловича и барона Эдуарда Елачича-Бужимского. Писал он много. Уже в начале 1930-х гг. он готовит свою первую выставку из написанных в Загребе самых лучших картин-портретов. Зарабатывал Сергеев и реставраторскими работами в местных храмах. К слову сказать, глагол «писать» очень хорошо подходит к его творчеству: он писал картины и стихи, много стихов. Исследовательница Магдалена Медарич упоминает его виденные в семейном архиве Сергеевых стихотворения «Из русского цикла», «Из беженского цикла»²⁷. Осталось написать только исследование об этой разносторонней личности, оставившей свой заметный след в культурной жизни Загреба.

Продолжая тему русского таланта, необходимо подчеркнуть, что если есть «высокое» искусство, рассчитанное на элиту, то обязательно должно быть и «приземленное» – для масс. Само искусство при этом остается таковым, не меняясь в своей сути. И здесь русская талантливая молодежь также внесла свой вклад, выступив зачинателями стрипа (комикса) в столичной прессе. Любители этого нового жанра могли регулярно наслаждаться не только авантурными историями в технике графики, но и смеяться над точно схваченными чертами городской жизни при передаче житейских ситуаций.

И здесь, благодаря авторам «Истории югославского стрипа» С. Драгиничу и З. Зупану, можно вкратце очертить несколько творческих биографий русских стрип-мастеров. (В 2914 г. в Белграде вышло исследование Ирины Антанасиевич «Русский комикс Королевства Югославия»).

В Загребе работал и Леонтий (Леонид) Семенович Савченко (17. 10. 1895, Санкт-Петербург – 03. 01. 1964, Загреб). Художник в государственной кинофабрике в Загребе он получил известность как рисовальщик стрипов, например, таких, как «Гость из космоса». Успешно пробовал себя в карикатуре, сотрудничая в 1924 г. и 1926 г. в журналах «Крапива» и «Пилюля» под псевдонимом Бельский²⁸.

«Баловался» стрипами и уже знакомый Анатолий Дмитриевич Сергеев. В иллюстрированном еженедельнике «Obitelj» («Семья») печатались

в 1936 г. его «сказки в картинках»: о рыбаке и рыбке, о царевне и о семи богатырях, о золотом петушке, Коньке-Горбунке²⁹.

Еще один творческий портрет. Николай Павлович Навоев (1913, Санкт-Петербург – 11. 1940, Белград). Дебютировал в сентябре 1935 г. в № 25 белградского «Стрипа» с серией «История Абиссинской династии». Меньше чем за два года Навоев напечатал в нем еще десяток «историй».

Огромную популярность завоевал его авантурный стрип «Малыш мореплаватель», поставленный его обожателями на первое место, оставивший позади таких именитых мастеров, как А. Реймонд, Х. Фостер, Л. Фок, Л. Янг. Успехом пользовался и стрип Николая Навоева об авантюрах пирата Йона Ван Драка. В 1939–1940 гг. Навоев связывает свою творческую судьбу с новым журналом «Царство Микки», в котором найдут место ключевые сериалы «Малыш-мореплаватель», «Молодой Бартуло», «Зигмар», а также стрип, разворачивающийся во времена Французской революции – «Две сиротки». К этому времени относятся и его рисунки к «Тарасу Бульбе», «Женитьбе Максима Црноевича»... Однако туберкулез помешал таланту Навоева продолжать радовать своих почитателей. Последние свои работы он делал лежа в постели...³⁰

Необходимо добавить, что тогдашние авторы «стрипов» группировались вокруг журнала «Микки Маус». Опорой журнала стал Константин Константинович Кузнецов (1895, Санкт-Петербург – 09. 03. 1980, Лос-Анджелес). С 1937 по 1941 г. он нарисовал 25 стрипов. Именно Кузнецов стал «главным оружием» в конкурентной борьбе. Кроме русской классики он рисовал стрипы «Графиня Марго», «Барон вампир», «Три жизни». Помимо «Микки Мауса» русский художник печатался в журналах «Забавник», «Тарзан», «Политикин забавник». Константин занимался и карикатурой. Не был он чужд и рекламе (работал рекламным художником в магазине одежды «Матич»). Известен Кузнецов и как иллюстратор: книги «1001 ночь», «Маленький лорд Фаунтлерой».

Накануне войны, за два дня до немецкой бомбардировки Белграда вышел последний номер «Микки Мауса». Символично, что в этом номере было окончание стрипа Кузнецова под названием «Печать смерти»!

В новые времена Кузнецов рисует плакаты, работая шефом ателье Пропагандного отделения «Юговосток» немецкого командования в Сербии. В его карикатурах предстают Черчилль, Сталин, Рузвельт, причем первые два с красными носами. Британская империя у него – традиционный дряхлый лев, Америка представлена черным бешеным быком, штурмующим карту мира, СССР – белым медведем с огромной лапой на политической

карте. Нередко темой для карикатур служили отношения между союзниками с обычным заключением: Лондон, ведущий грязную игру, обманут нечестной политикой Вашингтона и Москвы, так как, «хотя у них различные звезды, но цель одна» – добиться большего в переделе мира, а позади всех них стоит еврей, фигура которого должна подтверждать нацистскую теорию антисемитизма и оправдывать расовую борьбу в мире.

В историческом архиве Белграда и сейчас хранятся полсотни плакатов Кузнецова военных лет³¹.

Дальнейшая судьба русского художника была опять связана с «бегом». В 1944 г. он бежит в Австрию, потом в Германию, где под разными псевдонимами иллюстрирует, рисует карикатуры для журналов «Огни», «Петрушка». С 1950 г. Кузнецов продолжил рисовать уже в США: работает в Лос-Анджелесе художником-дизайнером почтовых открыток, иконописцем, иллюстратором. В 1988 г. репринт канадского издания одной из оформленных им книг появился в Москве³².

Возвращаясь в «классику» скажу, что начавшаяся война, конечно, изменила судьбы у многих художников. Но война войной, а жизнь шла и музы не молчали...

И вместо традиционных нескольких прощальных слов о русских художниках я хочу подчеркнуть, что само русское творчество продолжает дарить радость встречи с прекрасным, с талантом, умеющим увидеть неожиданное в будничном, придать краски бытию, увидеть неразгаданное в обыденном, предвосхитить время, смешать его краски. Все это позволяет утверждать, что красота живет вечно.

Примечания

¹ Приводимые ниже биографические сведения частично опубликованы в статье: Косик В. И. Русская церковная живопись на Балканах // Макарьевские чтения: сборник материалы восьмой междунар. конф. / Горно-Алтайск. гос. ун-т; отв. ред. В. Г. Бабин. Горно-Алтайск, 2009. № 8. URL: <http://e-lib.gasu.ru> (дата обращения: 14. 07. 2015). Прим. ред.

² Межинска Ј. Сликаство цркве светог кнеза Лазара у Прибоју на Лиму. Прибой, 1999. С. 2–3.

³ Журн. Моск. патриархии. 1946. № 5. С. 44.

⁴ Межинска Ј. Указ. соч. С. 3–5.

⁵ Несговоров А. Художники // Рус. американец. 1997. № 21. С. 156–157.

⁶ Колунџ Д. Црквено сликарство од 1920 до 1970 г. Српска Православна Црква 1920–1970 // Споменица о 50-годишњици васпостављања српске Патриаршије. Београд, 1971. С. 387, 391.

⁷ Стерјовски А. Битола: руската колонија. Битола, 2003. С. 80.

⁸ Там же. 153.

⁹ Арсеньев А. У излуцины Дуная: очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 185; Puškadija-Ribkin Т. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 171.

¹⁰ Милановић О. Допринос руских уметника развоју сценографије у срба // Руска емиграција у српској култури XX в.: зб. радова: в 2 т. Београд, 1994. Т. 2. С. 92–105.

¹¹ Стерјовски А. Указ. соч. С. 80, 81.

¹² Александров Е. А. Русские в Северной Америке: биогр. слов. Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005. С. 445–446.

¹³ Полчанинов Р. Встречи в Югославии // Новый журн. Нью-Йорк, 1997. № 208. С. 267.

¹⁴ Александров Е. А. Указ. соч. С. 445–446.

¹⁵ Medarić М. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi – slikarstvu, kiparstvu, arhitekturi, fotografiji i filmu, od 20-ih do 40-ih godina dvadesetog stoljeća // Oko književnosti Osamdeset godina Aleksandra Flakera. Zagreb, 2004. S. 297.

¹⁶ Новое время. 1930. 11 марта, № 2661. С. 4.

¹⁷ Русский Дом имени императора Николая II. Белград, 1933. С. 26.

¹⁸ Beloemigracija u Jugoslaviji // Arhiv Republike Slovenije. AS 1931. Republiški sekretariat za notranje zadele. A. Š. 1053. S. 227.

¹⁹ Межински-Миловановић Ј. Дела сликара круга «свет уметности» у Београдском народном музеју // Сепарат: зб. нар. музеја. Београд: Народни музеј, 2013. Т. 17, вып. 2. С. 395–397.

²⁰ Цит. по: Medarić М. Николай Константинович Перих и Загреб: арх. исслед. // Sub Rosa Köszöntő könyv / Léna Szilárd tiszteletére. Budapest, 2005. С. 463.

²¹ Там же. С. 469–461.

²² Перих Н. Листы дневника, 1942–1947. М., 1996. Т. 3. С. 352.

²³ Medarić М. Николай Константинович Перих и Загреб. С. 459.

²⁴ Старое время. 1924. 22 авг. – 4 сент., № 71. С. 1.

²⁵ Там же. 28 авг., № 1000. С. 5.

²⁶ Палибрк-Сукић Н. Руске избеглице в Панчево, 1919–1941. Панчево, 2005. С. 86, 161.

²⁷ Medarić М. Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi. S. 297–298.

²⁸ Puškadija-Ribkin Т. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. S. 128.

²⁹ Ibid. S. 164.

³⁰ Драгинчић С., Зупан З. Историја југословенског стрипа I до 1941 године. URL: <http://rastko.org.yu> (дата обращения: 14. 07. 2015).

³¹ Ракочевић Б. У служби стрипа и – окупатора // Политика. 1996. 9 авг. С. 9.

³² Вдали от Родины: русские художники – детям // Искусство и архитектура русского зарубежья / Фонд Д. С. Лихачева. URL: <http://artz.ru> (дата обращения: 14. 07. 2015).